

МОТИВ ПОЖАРА В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

THE MOTIVE OF CONFLAGRATION

IN THE WORK OF MARINA TSVETAEVA

Елена Янчук,
Варшава, Польша

Ключевые слова: Марина Цветаева, мотив огня, мотив пожара, стихия

Резюме. Анализ всего корпуса текстов Марины Цветаевой позволяет утверждать, что мотивы огня и пожара принадлежат к числу одних из самых прочных в ее творчестве. Огонь обладает у Цветаевой присущей языку и культуре амбивалентностью, а пожар, наоборот, описывает крайние, эмоционально насыщенные явления и ситуации. Пожар, в частности, используется поэтом для построения самоописания, как усиленная метафора при создании образов любимых ею близких людей, становится прочной характеристикой внутренних переживаний человека, их внешних проявлений, а также приобретает значение характеристики явлений и событий окружающей жизни, в том числе, бурных потрясений.

Keywords: Marina Tsvetaeva, motive of fire and motive of conflagration, element.

Resume. An analysis of the integrity of texts by Marina Tsvetaeva suggests that the motives of fire and conflagration are among the most constant in her work. Tsvetaeva is keenly aware of the ambivalence of fire in language and culture. Conflagration is much less ambivalent - the image associated with the description of extreme, emotionally saturated phenomena and situations. Conflagration is used by the poet in self-descriptions and also as an amplifying metaphor for creating images of her beloved and those close to her. This is a constant characteristic of a person's inner experiences and their external manifestations, as well as some phenomena and events of life, including violent shocks.

Огонь относится к числу явлений, знакомых с первых дней жизни каждому человеку. В культуре огонь, как и другие природные стихии, характеризуется амбивалентностью: с одной стороны, рассматривается как явление, символизирующее созидание и даже саму жизнь, божественность, святость, воспринимается как живое существо, обладающее очищающими и обновляющими качествами, как источник света, тепла, символизирует интенсивность проявления чувств. С другой стороны, огонь связывается с разрушением, воспринимается как кара Божья, несущая смерть, символизирует саму смерть, ад. Таким образом, огонь – это условие, необходимое и для жизни, и для смерти, это символ и любви, и ненависти, это соединение божественного и человеческого миров, это символ созидания и уничтожения, спасения и проклятия.

Такое емкий образ как огонь не мог не войти в картину мира Марины Цветаевой, больше того, огонь приобрел для нее первостепенное значение. Будучи зрелым поэтом, она написала: «во мне ничего от воды и от водоросли – но моя сушь – огонь» [НСТ, 488], а жизнь и творчество воспринимала как самосожжение: «Герострат, чтобы прославить свое имя, сжигает храм. Поэт,

чтобы прославить храм, сжигает себя» [СС5, 288]. К образу огня Цветаева возвращается постоянно: он появляется в ранний период в поэзии, интенсивно эксплуатируется в 20-х гг., периодически встречается в прозе¹. В настоящей статье предлагается попытка рассмотреть мотив пожара, который может восприниматься как разновидность мотива огня, при этом мотив пожара распространяется на различные сферы внутренней и внешней жизни поэта.

В раннем творчестве пожар начинает атрибутировать различные внутренние состояния, так для юной Цветаевой внутреннее горение совершенно необходимо для настоящей жизни: «Я лично говорю: надо всегда разжигать костер в сердце прохожих, только искру бросить, огонь уж сам разгорится. Лучше мученья, огненные, яркие, чем мирное тленье. Но как убедить людей, что гореть надо, а не тлеть» [П1, 21]. Духовный пожар Цветаева начнет переживать в детстве, в частности, рассказывает, с какой страстностью она переживала несвоевременную смерть молодой родственницы (не кровной) Нади Иловойской: «я, как разогнувшаяся пружина, не вскочив со стула, а выскочив из себя, уже неслась [...], зная, что через еще-секунду уж не смогу, никакой силой, никакой волей сдержать румянца: пожара!» [СС5, 132]. Свои реакции на «огненные» слова описывала так: «от этих слов: Feuer – Kohle – heiss – heimlich – (огонь – уголь – жарко – тайно) – у меня по-настоящему начинался пожар в груди, точно я эти слова не слушаю, а глотаю, горящие угли – горлом глотаю» [СС5, 49]. В зрелые годы писала об особой впечатлительности, с которой ей совершенно невыносимо жить: «У меня всё – пожар! [...] Мне БОЛЬНО, понимаете?» [СС6, 607].

Для Цветаевой пожар обозначает крайние состояния переживаний: *В ней всё: пожар и голубые льды*, [СС1, 97], а также саму жизнь: *Порвалась тоненькая нитка, / Испепелив, угас пожар...* [СС1, 56]. Телесные страсти она склонна переводить в некие пики душевных переживаний: «Половая страсть прежде всего – пожар души» [НЗК1, 170]. Что характерно, телесные страсти представляются бездной: «До самой души (глубины) был бы тот поцелуй. (Не пожар: бездна)» [СС7, 70]. Различала телесную и духовную страсти, именно последняя была связана с огнем: «Любовная любовь – вода, небесная – огонь. ([...]. Огонь: ничего не растет и всё сгорает)» [НСТ, 99]. По этой причине даже вполне платонические чувства для Цветаевой представляются пожаром: «Моя любовь (бесполезный пожар) к Волконскому доходит до того, что знай я подходящего ему – я бы, кажется, ему его подарила» [НСТ, 25]. Удивлялась внутренней природе Волконского: «При этом непрестанном пожаре духа – какое умение наслаждаться!» [СС5, 249]. Или восторженные чувства к Ахматовой Цветаева выражает при помощи огненной метафоры: «Ах, как я Вас люблю, и как я Вам радуюсь, и как мне больно за Вас, и

¹ Ср. статью: Е. Янчук, *Мотив огня в творчестве Марины Цветаевой*, в кн.: *Эпоха "великих потрясений" в литературе, языке и культуре* («Фетовские чтения»). Материалы научной конференции, ред. Е. Криволапова, Курск 2018, s. 131-140.

высоко от Вас! [...] Небесный пожар!» [СС6, 201]. Сонечка Голлидэй воплощает собой пожар: «Передо мною – живой пожар. Горит все, горит – вся. Горят щеки, горят губы, горят глаза, несгораемо горят в костре рта белые зубы, горят – точно от пламени выются! – косы, две черных косы, одна на спине, другая на груди, точно одну костром отбросило. И взгляд из этого пожара – такого восхищения, такого отчаяния, такое: боюсь! такое: люблю!» [СС4, 298].

Пожар, «содержащийся» в человеке, имеет внешние проявления, например, через глаза: *Ну и глаза у вас! – Пожар и мрак!* [СС3, 547]; рыжие волосы: *Проходу нет! «Лес подожжешь!», «Брысь в реку!»/ А по деревне – так: «Пожар! Пожар!»* [СС3, 544]; взгляд: *Погляжу на взор пожаром* [СС3, 199]; щеки: *Пот – градом сквозь пожар ланит* [СС3, 203]; румянец: «Входит высокий красноармеец. Малиновый пожар румянца» [СС6, 176]. Однако сам пожар переживается в сердце: «А вот здесь –/ (указывает на сердце)// Пожар» [СС3, 569]; и позднее (1921) Цветаева напишет: *И сей пожар в груди тому залог/ Что некий Карл тебя услышит, Рог!* [СС2, 10].

Поэтический дар для Цветаевой связан с горением: *Так от сердца к сердцу, от дома к дому/ Вздыхаю пожар.* [СС1, 315], страсть содержат даже стихотворные строки, поэтому поэт не может вкладывать эмоции в чтение стихов: «Голос поэта – водой – тушит пожар (строк)» [СС4; 519]. Этот пожар строк имеет некую мистическую природу – Цветаева описывает совершенно реальный пожар дома в Коктебеле, который Макс Волошин «заговорил»: «молниеносное видение Макса, вставшего и с поднятой – воздетой рукой, что-то неслышно и раздельно говорящего в огонь. Пожар – потух. [...] Пожар был остановлен – словом» [СС4, 203]. Процесс внутреннего преображения поэта как путь к обладанию поэтическим даром Цветаева описывает в поэме *На красном коне* (1921). Одним из мотивов поэмы становится высвобождение стихии-пожара. Этот мотив становится своеобразной интерпретацией сформированного русскими символистами мотива сгорания «я» как апогея трансформации земного сознания [Ханзен-Лёве 1999: 217]: *Велик/ Пожар! – Душа горит!* [СС3; 17]. Драматичен как внешний пожар: *Вой пламени, стекольный лязг...*, так и внутренний: *У каждого – заместо глаз –/ Два зарева! – Полет перин!// Горим!* Пожар вызывает радость, потому что освобождает от материального: *Трещи, тысячелетний ларь!// Пылай, накопленная кладь!* [СС3, 17]. Пожар должен усилиться: – *Пожарные! – Крепчай, Петух!// Грянь в раззолоченные лбы!// Чтобы пожар не тух, не тух!* [СС3, 17]. Что характерно, любая материальная фиксация духовного имеет тяготение к уничтожению, отсюда цветаевская тайная любовь *промежду/ Рукописью – и пожаром*, ведь: *Рукопись – пожару хочет* [СС2, 97]. Сам творческий процесс подобен переживанию стихийных бедствий: «Лирическое стихотворение: построенный и тут же разрушенный мир. Сколько стихов в книге – столько взрывов, пожаров, обвалов: ПУСТЫРЕЙ. Лирическое стихотворение – катастрофа» [СС6, 323].

Страстность Цветаевой переносится и на восприятие окружающего мира, в ранних стихах пожар служит метафорой в описаниях состояний

природы, в частности, заката: *Село солнце в медленном пожаре,/ Серп луны прокрался из-за туч* [СС1, 50], или рассвета: *Великолепным даровым пожаром/ В который раз, заря, сгораешь даром?* [НСТ, 24]; или позже в *Егорушке* (1928): *В лицо заря/ Разит – пожар малиновый* [СС3, 736]. С пожаром сравниваются предметы внешнего мира: *Что пожар – то за спиной кумач раздут*, или *Пожар – рубаха-то!* [СС3, 693]; цвет соотносится с пожаром: «Просыпаюсь с солнцем. Быстро влезаю в свое широченное красное платье (цвета cardinal – пожар!)» [СС4, 494]. В *Наталье Гончаровой Цветаева* пишет, что красный у нее прочно ассоциируется с пожаром: «Красный сад, красный дом. В русском слове красный – мне всегда слышится страшный, и первая ассоциация – пожар!» [СС4, 93]. Нескончаемый поток гостей вызывает раздражение Маруси в *Молодце*: *Пожаловали! – Не ждал?/ Пожаром – да на пожар!* [СС3, 317].

Цветаева помещает пожар в ряд стихийных бедствий, извечно переживаемых человечеством: «землетрясений, извержений, наводнений, откровений...» [СС4, 124]. Бурные события внешнего мира вовлекают в свой поток отдельного человека, хотя он и оказывает им сопротивление: *Не унес пожар-потоп/ Перстенька червонного!* [СС1, 76]. Что характерно, в письме 1908 г. П. Юркевичу Цветаева страстно желает этого состояния горения, пожара, мятежа, для нее невыносима мысль, что «революции не будет»: «с каким восторгом следила бы, как горит наш милый старый дом! Ничего не надо, ничего не жалко! Только бы началось» [СС7; 729]. Позднее добавляла: «Такова уже природа нашей породы, что мы больше отзываемся на горящий, чем на строящийся дом» [НСТ, 476]. В категориях стихийного бедствия воспринимались бурные события, связанные с Октябрьской революцией: «Если Октябрь для Вас символ мятежа, больше – стихии – очень хорошо, что поместили меня внутрь (как внутрь – пожара!)» [СС7, 381]. Бунт, мятеж связывается прежде всего с пожаром: «Есть явление, все эти явления дающее разом. Оно называется – мятеж, в котором насчитаем еще и метель, и ледоход, и землетрясение, и пожар» [СС5, 507]. На мотиве пожара Цветаева сосредотачивается в *Несбывшейся поэме*, являющейся поэмой о бунте вещей, протестующих против своей земной доли [Шевеленко 2015: 326]. Размышляя над пережитым в период революции, Цветаева утверждает, что после падения России была утрачена вера в материальность вещей: *Помню, голову заваял,/ Догоравшие мебели.* Утрачивая материальную оболочку, вещь преобразовывается в знак слова или в собственный смысл: *Каждая вещь становилась знаком/ Слов.* И далее: *Каждая вещь становилась смыслом.* В самом процессе уничтожения вещи проявляется ее история и сущность: *Каждый брусок ларя/ Дубом шумел горя –/ И соловьи заливались в ветках!* В пожаре сгорала вера в силу традиции: предки должны были остановить огонь: *Не прошагали, не сели в кресла,/ Взглядом: мое! не тронь!/ Заледеня огонь.* Поэт придает пожару метафизическое значение: пожар не только уничтожает материальную сторону вещи, но и временную: мир должен был очиститься от фальшивых ценностей, навязанных традицией: *Не вещи горели,/ А старые дни/ Страна, где всё ели,/ Страна, где всё жгли.*

Разразившийся тотальный пожар показывал, что происходил в должное время: *По тому, как сгорали вещи,/ Было ясно: сгорали – в срок!* Не было понятно, кто жег и кого жгли: *Сделки не было: жгуций – жгомый –/ Ставка очная: нас – и нар.* Обесценивались и человек, и вещь: *Кирпичом своего же дома/ Человек упал в пожар.* Тотальный пожар, который разлился в России, доказывал: то, что не обладает безусловной ценностью, должно быть уничтожено: *Что не алмаз на огне – то шлак* и далее: *Был в России пожар – молиный:/ Моль горела. Сгорела – вся* [СС3; 745].

В Поэме Лестницы Цветаева сосредотачивается на невозможности застраховаться от действия стихий. Вещи, нас окружающие, – это часть природы, и они ведут себя как ее продолжение, даже став вещью: *Тю – фяк: солома есмь!/ Мат – рас: есмь водоросль!/ Все, вся: природа есмь!* Возвращение вещей в природу происходит в процессе горения: *Огнь, в куче угольной:/ – Был бог и буду им!* [СС3, 125]. Но от стихии нет спасения: *Огнь, страхующий от вещей* [СС3, 127]. Вещи бедных практически лишены вещественности, процесс их развеивания прост: *Вещи бедных – попросту – души,/ Оттого так чисто горят* [СС3, 129]. Горят и места проживания бедных: чердаки и нары, которые помнит огонь: *О всем том – помнит огонь.* Жизнь находится в зависимости от огня, служит ему: *У огня на жалованьи/ Жизнь живет пожарами* [СС3, 130], собственно с этого тезиса Поэма Лестницы начинается: *жить – жечь!* [СС3, 120]. Как пишет С. Лютова, «в пожаре, охватившей Вселенную Черной Лестницы, стихии распредмечиваются, «развеиваются», успевая напоследок вспыхнуть естественными природными формами». Высвобождение стихий из вещей происходит не только посредством взрывов и пожаров, но и посредством слова: «В вещи стихийные демоны заперты, в слове – освобождены!» [Лютова 2004: 48].

После переживания такого рода пожара Россией (когда был провозглашен конец белоскатерному миру) Цветаева могла написать о русских эмигрантах: *Ведь и медведи мы!/ Ведь и татары мы!/ Видами изъедены/ Идем – с пожарами!* [СС2, 98]. Память о прошлом будет связана с сожженным домом: *Что́ за дымок? Что́ за домок?/ Вот уже пол – мчит из-под ног!/ Двери – с петлей! Ввысь – потолок!/ В синий дымок – тихий домок!* [СС1, 411]. В 1922 г. пожар дома будет ассоциироваться с присутствием Бога в жизни: *Значит,/ Бог в мои двери –/ Раз дом сгорел!* [СС2, 153]. При этом пожар становится некой нормой, положительной оценкой, так в Крысолове (1925) город Гаммельн был ее лишен: *Без пожаров –/ город* [СС3, 55]. Поэт не сомневается: *Мир окончится потопом./ – Мир окончится пожаром* [СС1, 440].

Мотив катастрофичности пожара прозвучит в одних из последних циклов стихов Цветаевой, посвященных нападению фашистов на Чехословакию (*Стихи к Чехии* (1939)), которое Цветаева сравнивает с пожаром – три раза повторяет: *Налетевший на град Вацлава/ – Так пожар пожирает траву* [СС2, 354-355]; второе стихотворение цикла называет

Пепелище, а в девятом написала: *Не красный пожар лесной,/ Не заяц – по зарослям,/ Не ветлы – под бурею, –/ За фюрером – фурии!* [СС2, 361].

Подводя некоторые итоги, стоит подчеркнуть, что пожар стал одним из характерных мотивов в поэзии и прозе Цветаевой. Огонь обладает у Цветаевой присущей языку и культуре амбивалентностью, а пожар, наоборот, описывает крайние, эмоционально насыщенные явления и ситуации. В частности, образ пожара используется поэтом для построения самоописания, а также в качестве метафоры при создании образов любимых ею близких людей, становится прочной характеристикой внутренних переживаний человека, их внешних проявлений, кроме того, пожар метафоризирует отдельные явления и события окружающей жизни, в том числе, бурные потрясения. Стоит отметить, что огонь и пожар используются поэтом в качестве ведущих мотивов отдельных произведений либо их значительных фрагментов (напр. *На красном коне*, *Молодец*, *Несбывшаяся поэма*, *Поэма Лестницы* и др.).

Литература

Лаврова Е., Поэтическое мирозерцание М. И. Цветаевой, Горловка 1994.

Лютова С., Максимилиан Волошин и Марина Цветаева: Эстетика смыслообразования, Москва 2004.

[НЗК - Цветаева М.](#), Неизданное. Записные книжки, в 2-х тт., Москва 1997

[НСТ - Цветаева М.](#), Неизданное. Сводные тетради, Москва 1997.

[П – Цветаева М., Письма, в 5-ти томах, Москва 2012-2016.](#)

[СС - Цветаева М.](#), Собрание сочинений в 7-ми томах. Москва 1994-1995.

Ханзен-Лёве А., Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм, Санкт-Петербург 1999.

Шевеленко И., Литературный путь Цветаевой. Идеология, поэтика, идентичность в контексте эпохи, Москва 2015.

Янчук Е., Мотив огня в творчестве Марины Цветаевой, в кн.: [Эпоха "великих потрясений" в литературе, языке и культуре](#) («Фетовские чтения»). Материалы научной конференции, ред. Е. Криволапова, Курск 2018, s. 131-140